

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Русское Обозрѣніе» - іюль. «Русское Богатство» — іюль. Книжка «Недѣли» — іюль. «Русская Старина» — іюль.

Въ сонную пору лѣтняго затишья наши журналы обыкновенно страдаютъ безынтересностью, не очень-то «балуютъ» читателей «новинками», а скромно подъ флагомъ іюньскихъ и іюльскихъ книжекъ дожевываютъ «концы» наиболѣе крупныхъ произведеній, начатыхъ печатаніемъ въ новомъ году. «Развѣтъ» журнальной литературы, приуроченный къ «подписочному періоду», въ лѣтніе мѣсяцы смѣняется полнѣйшимъ штилемъ, паузою. Даже полемическій жаръ погасаетъ и полемическіе громы и молніи заботливо приберегаются про запасъ до болѣе удобнаго времени. Только весьма немногіе журналы не подвергаются этому хроническому недугу «лѣтняго угасанія» и находятъ возможнымъ составить занимательно и толково и лѣтнія книжки...

Всякому овощу свое время... Соответственно «мертвому» лѣтнему сезону, когда каждаго подмываетъ неодолимое желаніе сорваться съ насиженнаго мѣста и умчаться въ неизвѣданную даль, въ журналахъ преобладаютъ статьи характера, такъ сказать, географическаго, — разные путевые очерки, замѣтки, письма, наблюденія...

Этому можно бы порадоваться, ибо по части знаній географическихъ мы, какъ извѣстно, хромаемъ изрядно и дѣльно-составленный географическій очеркъ куда лучше, какой-нибудь нескончаемой многословной повѣсти на избитую тему и съ тенденціозной начинкой. Къ сожалѣнію, отечественные туристы и путешественники вещи несомнѣнно интересныя зачастую обходятъ молчаніемъ, но зато пространно не въ мѣру повѣствуютъ о проявленіяхъ собственного аппетита, не забывая приложить многочисленныя списки кушаньевъ, съѣденныхъ во время вояжа предприимчивымъ туристомъ или съ похвальнымъ рвеніемъ занимаются глубокомысленными соображеніями «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ»...

Отчасти такова ст. «Цѣлебный край» («Р. Об.»), въ коей авторъ рассказываетъ о своемъ путешествіи отъ Варшавы до Кавказскихъ курортовъ. Попутно онъ сообщаетъ весьма поучительныя свѣдѣнія о томъ, что «скупѣе моск.-брестск. лишии трудно что-нибудь и придумать», что въ Гжатскѣ «буфетчикъ пресерьезно предлагалъ ему «Моск. Вѣд.» чуть ли не семидневнаго возраста», что въ Москвѣ «духота и страшная пыль», что въ вагонахъ моск.-каз. дороги «вонь и духота», что въ Козловѣ съ него «за грязный номеръ взяли 2 руб. да за лишнюю подушку на диванѣ для спутника взыскали еще 50 коп. За огарокъ свѣчи тоже не пригнули взять 20 коп.»...

Въ той же кн., въ очеркахъ «Вдоль береговъ Трои», г. Елисеѣвъ бѣглыми штрихами, съ борта парохода, рисуетъ «театръ безсмертной эпопеи, мѣста, освященныя гѣніями Греціи и Рима».

Довольно суховаты, по изложенію полны археологическихъ подробностей, хотя не безынтересны «Письма изъ Италіи» М. Соловьева. Съ большою подробностію останавливается г. Соловьевъ на описаніи мозаическихъ иконовъ, барельефовъ, украшающихъ «палладіумъ Венеціи» — храмъ св. Марка и въ которыхъ онъ находитъ «преобладаніе родственныхъ намъ византійскихъ церковныхъ элементовъ». Указавъ на то, что украшеніе знаменитаго храма созидалось вѣками, г. Соловьевъ замѣчаетъ: «Каждый аршинъ наружныхъ стѣнъ составляетъ монументальный отрывокъ изъ исторіи Венеціи, памятникъ ея прежней славы. Каждая колонна, барельефъ, статуя, мозаика вызываютъ память о цѣломъ рядѣ подвиговъ благополучія, или воинской доблести. Этотъ соборъ уже снаружи представляется пестрою иллюстрированную хрестоматіей отечественной исторіи и необыкновенную гармонию столь разнороднымъ отрывкамъ, отличнымъ другъ отъ друга по стилю, времени и происхожденію даетъ одно великое слово — отечество, Венеція»...

Кн. Вяземскій продолжаетъ описывать свою поѣздку «Вокругъ Азіи верхомъ». На сей разъ онъ повѣствуетъ о странствованіи черезъ пустыню Гоби и о посѣщеніи Калгана и знаменитаго Пекина. Записки эти любопытны, но чрезчуръ отрывочны и напоминаютъ карандашныя отмѣтки въ путевой книжкѣ, дѣлаемыя наскоро, на ходу, вслѣдствіе такой отрывочности ослабляется и самое впечатлѣніе. Нельзя также незамѣтить, что кн. Вяземскій слишкомъ торопливъ и рѣшителенъ на выводы, и ему приходится часто опровергать и поправлять самого себя.

Въ кн. «Нед.» читатель можетъ найти бѣглыя фельетонныя замѣтки о Берлинѣ и Дрезденѣ въ ст. «Отъ Бадена швейцарскаго до Галича костромскаго», а съ жизнью нашихъ антиподовъ можетъ ознакомиться изъ путевыхъ очерковъ г. И. Б. «Среди гавайскихъ вулкановъ», въ которыхъ живописуется городокъ Гило, главный населенный пунктъ о ва Гаваи. Если и этого мало любознательному читателю и онъ любопытствуетъ знать о «странѣ восходящаго солнца», то и по этой части онъ можетъ найти въ «Р. Б.» ст. А. Фридмана «Современная Японія», и въ кн. «Недѣли» даже цѣлую повѣсть изъ японской жизни «О-Томи-санъ» Н. Астромова. Исторія жизни одной бѣдной дѣвушки «О-Томи-санъ», выкупленной европейцемъ Андрѣ изъ кабалы японскаго клуба Коіоканъ и поселившейся вмѣстѣ съ Андрѣ, ея страстное стремленіе проникнуть въ невѣдомый для нея міръ европейскихъ понятій и составляютъ сущность повѣсти. Въ другой повѣсти польскаго писателя Вацл. Сѣрошевскаго «На краю лѣсовъ», начатой

печатаніемъ въ «Р. Б.», развѣтывается грустная картина изъ жизни обитателей тайги — якутовъ, переживающихъ «весенній голодъ». Голодъ этотъ «явленіе не случайное, а обычное; населеніе смотритъ на него, какъ на нѣчто неприятое, но неизбежное, подобно смерти, старости, труду... Борется оно съ нимъ совершенно пассивно, стараясь возможно меньше въ то время двигаться, возможно больше спать»... Авторъ вводитъ читателя въ душную якутскую юрту, гдѣ съѣдена послѣдняя горсть листовничнаго лыка, кожаныя сумы и единственной пищей служить подогрѣтая вода... Только ссуда муки, присланной изъ города, и полученная при содѣйствіи богатаго якута Андрея и спасаетъ изголодавшуюся семью. Характерными чертами обрисовано въ повѣсти положеніе поселенцевъ среди якутовъ. Въ юртѣ Андрея находится такой русскій поселенецъ «урутскій Степанъ», который не можетъ выносить ни ихъ житья, ни ихъ пищи — гнилой рыбы и листовничной коры и ненавидитъ, и презираетъ якутовъ, которые съ своей стороны желаютъ во что бы то ни стало избавиться отъ безпокойнаго постояльца. «Урутскаго Степана» якуты торопятся сprovадить въ городъ при такомъ прошеніи:

«Его Высокоблагородію

Гаспадины Наджалны КуджурДжуйсАго Округъ.

прошеніе.

Мы Джурджуйски Улусъ, Кангиласки наслегъ, роду Есе, урочища Анды родовичи, какъ этотъ урутскій Степанъ, большой господинъ, проситъ ы рыба, проситъ ы мясо, проситъ масло, проситъ муки, а наша мѣста Анды большой голодъ, спежей ы рыба ниту, мука, соли ниту... города ы урыста берета, а якутъ бѣдный, якутъ дикій ничего нету, а что ту, то воняетъ... А мы боимся, потому онъ сердится и убить хочетъ и даже нашего большого князя Андрея въ чашки бросалъ, и ложки ломалъ, а что онъ думаетъ никто не знаетъ, сидитъ и думаетъ. То мы, собравшись на сходка, рѣшилъ, чтобъ этотъ Урутскій Степанъ взять на вѣки вѣковъ... Аминь. О чемъ подписуемся»...

Но какъ только повѣтъ тешломъ, отволгнетъ, отмякнетъ тайга и начнетъ кормить людей, то въ ней закипаетъ оживленная жизнь. Картинами такого весенняго оживленія и заканчивается напечатанная часть повѣсти. Отмѣтимъ въ той же кн. продолженіе «Студентовъ» Н. Гарица. Въ цѣломъ рядѣ живыхъ сценъ Н. Гарица знакомить съ дальнѣйшими перипетіями жизни своихъ героевъ, съ ихъ неудачами, «и провалами» на экзаменахъ, съ ихъ порываніями осмыслить цѣль жизни, отыскать себѣ настоящій путь, съ ихъ беспорядочнымъ цыганскимъ житьемъ въ меблированныхъ квартирахъ. Рассказъ заключается драматическимъ эпизодомъ — описаніемъ желѣзнодорожной катастрофы, унесшей двѣ молодыхъ жизни...

Романъ В. Л. Маркова «Мечты и жизнь» («Русск. Об.») не представляет ничего особенно оригинальнаго ни по темѣ, ни по выведеннымъ типамъ. Кулакъ Салазкинъ, близикъ къ раззоренію помѣщика Ковшовы и самый герой Мажуровъ,—все это не болѣе, какъ блѣдное повтореніе типовъ «Оскудѣнія». Другая повѣсть «Король теноровъ» Н. Д'эссара вводитъ читателя въ великосвѣтскій кругъ, въ артистическій міръ. Сюжетомъ ея служитъ любовь «короля теноровъ», итальянца Сальвиоти къ пѣвицѣ Чези Терезинѣ, его ученицѣ. Дѣйствіе совершается на фонѣ великосвѣтскаго общества, юные представители котораго въ лицѣ Никса Крутойрскаго, Дима Гревскаго, Бориса Ростовскаго наперерывъ стараются овладѣть расположеніемъ красавицы Чези, тайно влюбленной въ своего учителя Сальвиоти. Кромѣ этого, въ обзорѣваемыхъ журналахъ встрѣчаемъ цѣлую массу и другихъ беллетристическихъ разсказовъ: «Неожиданность» Бутина, «Челкашъ» Горькаго—въ «Р. Б.»; «У мельницы» Шмелева въ «Р. Об.»: «Crescendo-Diminuendo». Дѣдова, «Счастье»—Щепкиной-Куперникъ въ кн. «Недѣли»; но большинство изъ нихъ представляетъ «фельетонные пустяки» и только немногіе отличаются большей обработанностію или оригинальностью темы (напр. повѣсть Щепкиной, — изображающая крушеніе одного семейнаго счастья. «Челкашъ»—эпизодъ изъ жизни гаванскихъ пиратовъ).

Изъ статей біографическаго характера отмѣтимъ ст. профъ Архангельскаго «С. Т. Аксаковъ (Дѣтство и студенчество)» въ «Р. Об.», выясняющую среду и культурныя условія дѣтства, имѣвшія вліяніе на развитіе таланта автора «Семейной хроники». Въ той-же кн. помѣщены воспоминанія И. У. Палимисестова о Н. П. Костомаровѣ съ приложеніемъ 4 писемъ Костомарова къ автору воспоминаній. «Пусть другіе, говоритъ г. Палимисестовъ, судятъ и разсуждаютъ о Н. П. Костомаровѣ, какъ объ историкѣ, и я знакомъ съ его историческими трудами, но Н. П. болѣе извѣстенъ мнѣ, какъ человѣкъ-христіанинъ въ высокому и точному значеніи этого слова. Передавая во всеобщую извѣстность нѣкоторыя уцѣлѣвшія его письма ко мнѣ, я имѣю единственную цѣль: засвидѣтельствовать ими передъ свѣтомъ, что то была самая теплая, чистая, глубоковерующая душа.

Въ кн. «Недѣли» за іюль закончилась ст. «Батищевское дѣло» Н. Энгельгардта. Мечты А. Н. Энгельгардта «создать въ Батищевѣ практическую академію, въ которой интеллигенты, жаждущіе деревенскаго дѣла, могли-бы научиться прежде всего работать такъ, какъ работаетъ мужикъ, научиться агрономіи и, наконецъ, восполнять свое общее образованіе не отсутствовали. Такая-же неудача постигла и опытъ интеллигентнаго поселка въ селѣ Буковѣ, рядомъ съ Батищевымъ, потому что между

членами колоніи произошли неголасія... Интересенъ взглядъ А. Н. Энгельгардта на трудъ умственный. «Умственный трудъ есть такой-же физическій мозговой трудъ, пишетъ А. Н. Энгельгардтъ, какъ и всякій мускульный трудъ. Отъ работы (косить, пахать) «хряпка болитъ». Отъ умственной работы мозги болятъ. На мускульной работѣ можно надорваться и умереть, на умственной работѣ тоже можно надорваться, заболѣть, умереть... Трудъ мускульный и трудъ мозговой тотъ же трудъ. Но такъ какъ мускуль проще чѣмъ мозгъ, то и трудъ мускульный проще мозгового... Мускульный трудъ, какъ простой, легче поддается измѣренію, чѣмъ умственный, мозговой трудъ. Давно-ли умственный трудъ стали считать физическимъ мозговымъ трудомъ... Интеллигентъ привыкъ къ мозговому труду, и потому онъ для него легче, чѣмъ мускульный». Съ именемъ А. Н. Энгельгардта у насъ связано введеніе фосфоритныхъ удобреній. Вопросъ объ искусственныхъ удобреніяхъ до самой смерти не переставалъ занимать А. Н., изъ своего Батищева онъ не переставалъ руководить «фосфоритнымъ движеніемъ». Вольноэкономич. общ-во избрало его почетнымъ членомъ и наградило золотой медалью «за введеніе въ Россіи фосфорита», а департаментъ земледѣлія, которому онъ представилъ отчетъ «Объ опытахъ примѣненія фосфоритовъ для удобренія» выхлопоталъ ему 5000 руб. за понесенные труды. Въ ст. приведены изслѣдованія страницы дневника А. Н. Энгельгардта. Изъ другихъ ст. отмѣтимъ «Парижскій университетъ» М. Веникова (кн. «Недѣли») и «Очерки золотопромышленности южнаго Урала» (въ «Р. Б.»). «Русск. Стар.» является однимъ изъ солиднѣйшихъ нашихъ историческихъ журналовъ и не заполняетъ своихъ страницъ тѣми quasi-историческими повѣстями и романами, которые наводняютъ другія историческія изданія. Въ іюльск. кн. «Р. С.» мы встрѣчаемъ продолженіе любопытныхъ «Записокъ» А. М. Тургенева: Тургеневъ разсказываетъ о началѣ своей службы, о командировкѣ въ Крымъ въ 1814 г., о назначеніи своемъ директоромъ медицинскаго департамента, о многихъ историческихъ лицахъ,—Кутайсовѣ, Архаровѣ, Аракчеевѣ, Растончинѣ, и сообщаетъ интересныя эпизоды изъ жизни императора Павла Петровича.

Павель Петровичъ путешествовалъ въ Смоленскъ въ маѣ, когда дороги бывали непроѣздными. «По уваженію этой невозможности, разсказываетъ Тургеневъ, военный губернаторъ, генералъ-аншефъ М. М. Филозофовъ, мужъ великаго ума, рѣдкихъ достоинствъ и непоколебимой твердости, приказалъ устроить для высочайшаго путешествія дорогу изъ бревенъ, гладко въ уровень притесанныхъ. Карету путешественника катали по бревенчатой дорогѣ, какъ шаръ катаютъ дѣти по лугу. Павель былъ въ восхищеніи, но на послѣдней станціи отъ Москвы къ Смоленску, гдѣ Его Вели-

честву было благоудно почлеговать (по почамъ Павель Петровичъ путешествовать не любилъ и, какъ только начинало смеркаться, соизволялъ останавливаться), крестьяне пали на колѣни и принесли ему жалобу, что они раззорены въ конецъ построеніемъ дороги. Государь, внявъ плачу жаловавшихся крестьянъ, изволилъ догадаться, что дорога была вновь сдѣлана, и спросилъ у крестьянъ, кто находился при работѣ дороги?—Предводитель, Ваше Величество!

Услышавъ отъ крестьянъ названіе «предводитель», Павель Петровичъ воскликнулъ: Палача сюда! Палача сюда!

Гдѣ взять палача? По штатамъ, особо учрежденнымъ, въ губерніи повелѣно было состоять палачу одному. Повелѣно предводителя заковать въ желѣзо и везти въ Смоленскъ»...

Въ Смоленскѣ всѣ со страхомъ и трепетомъ ожидали высокаго гостя... «Несется дормезъ, 12 ю копиями запряженный, сыплють искры изъ-подъ подковъ, дрожитъ на улицѣ земля, и люди на помостѣ задрожали; звонятъ, поютъ, кадятъ. Царь гнѣвный вышелъ изъ кареты. Архипастыръ животворящій крестъ царю предподалъ, водою освященною оросилъ и, поклонясь, хотѣлъ привѣтствіе царю изречь...

— Не надо! сказалъ государь и хотѣлъ вступить въ храмъ. Филозофовъ останавливаетъ царя и говоритъ: Государь! во храмъ Бога живаго должно входить съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, а ты, государь, во гнѣвѣ.

— Я на тебя не сержусь.—Да и ни на кого сердиться не на что. Узнай напередъ, а отрубить голову всегда еще успѣешь.

Павель объялъ Филозофова, и пошли рядомъ въ соборъ.

Въ продолженіе пѣнія молебствія, Филозофовъ успѣлъ объяснить царю, что предводитель не виноватъ, дорогу устроить деревянную предписалъ онъ, а безъ этого ты, государь,—говорилъ Филозофовъ: и въ мѣсяцъ не доѣхалъ бы до Смоленска?..

Предводитель дворянства освобожденъ, св. Анны орденъ 2-го класса данъ ему за претерпѣніе, женѣ посланъ брильянтовый фермуаръ»...

Не менѣе интересны «Записки» В. А. Инсарскаго. По смерти государя Николая I, Инсарскій былъ избранъ членомъ Печальной Комиссіи, назначенной для погребенія почившаго государя. Инсарскій подробно разсказываетъ о работахъ этой комиссіи, даетъ характеристику членовъ ея и верховнаго маршала графа Гурьева, а также сообщаетъ не мало трогательныхъ подробностей о кончинѣ и погребеніи государя Николая Павловича. Довольно занимательны ст. Военскаго «Русское посольство въ Японію въ началѣ XIX в.», «За много лѣтъ», воспоминанія Неизвѣстнаго и «Автобіографія юрьевскаго архимандрита Фотія».